

Глава X

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Особые текстологические вопросы встают при изучении иллюстрированных («лицевых») рукописей. Прежде всего исследователя может интересовать, был ли иллюстрирован протограф изучаемой рукописи, являются ли иллюстрации рукописи копиями с более древних иллюстраций или плодом самостоятельного творчества иллюстратора изучаемой рукописи. В том и другом случае это бывает важно для изучаемого текста. Не менее важен вопрос и о том, не являлся ли протограф изучаемой неиллюстрированной рукописи иллюстрированным.

Участие искусствоведов в этой работе, конечно, обязательно, но изучение иллюстрированных рукописей или рукописей, списанных с иллюстрированных оригиналов, есть также задача и текстологов. Дело в том, что в иллюстрированных рукописях текст подвергается специфическим изменениям. Переписчик пропускает места для иллюстраций. Чтобы уместить текст перед иллюстрацией, он может его сократить. Иногда делаются подписи под иллюстрациями, и эти подписи могут быть в последующей переписке механически перенесены в текст, принятые за его продолжение. Напротив, небольшой текст между двумя иллюстрациями может оказаться пропущенным, так как его легко принять за подпись к иллюстрации. Специфическая ошибка переписчиков иллюстрированных рукописей заключается в том, что, остановившись в своей работе и запомнив по иллюстрации место, на котором они остановились, они затем возобновляют работу в другом месте оригинала на сходной иллюстрации. Иногда в текст вносятся пояснения к рисункам и т. д. Чрезвычайно большой интерес представляет и изучение иллюстраций по их содержанию. Бывает так, что иллюстратор знаком с произведением в другой

версии, чем она представлена в тексте, и снабжает свои иллюстрации любопытными, отсутствующими в данном тексте подробностями.

Сравнительное изучение иллюстрированного Радзивиловского списка летописи¹ и неиллюстрированного Московско-академического² в пределах до 1206 г. (до года, на котором кончается Радзивиловский список) позволило А. А. Шахматову установить, что оба списка восходят к общему, не дошедшему до нас, протографу. Протограф Радзивиловского списка летописи и Московско-академического списка принято теперь называть Радзивиловской летописью, которая, таким образом, имеет два списка — иллюстрированный и неиллюстрированный. Оказывается, что протограф этой не дошедшей до нас Радзивиловской летописи также был иллюстрирован. Это видно по тому, что в Московско-академическом списке сохранились следы, указывающие на то, что оригинал, с которого он списывался (т. е. протограф Радзивиловской летописи), был иллюстрирован так же, как и Радзивиловский список, в тех же самых местах. Так, например, текст, находящийся в Радзивиловском списке на обороте листа 284 между двумя иллюстрациями под 1024 г. и занимающий 6 строк от слов «И по сем поступи Мстислав со дружиною» и до слов «А Якун иде за море», в Московско-академическом списке пропущен. По-видимому, и в протографе Радзивиловской летописи этот текст находился между двумя миниатюрами, и писец Московско-академического списка либо принял его за подпись к рисунку, либо, скользнув глазом по сходным по композиции рисункам, возобновил переписку не с той иллюстрацией, на которой перед тем закончил, а со следующей³. Важно отметить, что самый характер миниатюр Радзивиловского списка убеждает искусствоведов в том, что в основе этих миниатюр лежат более древние изображения⁴.

¹ В 1902 г. весь текст Радзивиловского списка издан фотомеханически из страницы в страницу Обществом любителей древней письменности. К изданию приложены статьи палеографического характера и исследования А. А. Шахматова и Н. П. Кондакова (исследование последнего устарело).

² Московско-академический список издан в I томе ПСРЛ (СПб., 1872, 1897, и Л., 1926–1928 гг.) до 1206 г. в качестве вариантов в Лаврентьевской, а с 1206 г. до конца (1419 г.) в дополнение к этому тому.

³ Другие случаи изменений текста, вызванных тем, что оригинал рукописи был иллюстрирован, см.: А. А. Шахматов. Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи. — В кн.: Радзивиловская или Кенигсбергская летопись, т. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб., 1902. С. 27–30.

⁴ Н. П. Кондаков. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка Начальной летописи. — В кн.: Радзивиловская или Кенигсбергская летопись, т. II. С. 30 и сл., а также с. 113–114; Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. СПб., 1908. С. 31–47; М. И. Артамонов. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи. — Изв. ГАИМК, т. X, вып. 1. Л., 1931; А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 18; Н. Н. Воронин. Рец. на книгу А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М., 1944). — Вестн. АН СССР, 1945, № 9; О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965.

Представляет значительный интерес и содержание миниатюр Радзивилловской летописи. Так, например, Н. Н. Воронин обнаружил, что древний миниатюрист в своем понимании событий, связанных с убийством Андрея Боголюбского, отошел от текста Радзивилловской летописи. В миниатюре, иллюстрирующей рассказ о смерти Боголюбского, изображена женщина, держащая отрубленную руку князя. В рассказе поздней Тверской летописи говорится об участии жены князя в его убийстве. По-видимому, именно это участие и изобразил миниатюрист Радзивилловской летописи. Следовательно, предание, отразившееся в Тверской летописи, очень древнее¹. Своеобразные подробности можем мы обнаружить в миниатюрах Радзивилловской летописи, иллюстрирующей рассказ о походе на половцев Игоря Святославича Новгород-Северского в 1185 г.² Все это имеет немаловажное текстологическое значение.

Весьма интересны те случаи, когда миниатюры иллюстрируют описки текста оригинала. Так, например, в Радзивилловском списке под 859 г. читаем, что хозары дань «имахоу по бѣле и дѣвечи от дыма». «Дѣвечи» — явная ошибка из «вѣверици» (последнее чтение подтверждается другими текстами «Повести временных лет»; надо бы читать «по бѣлеи вѣверици», т. е. по зимней белке (см. выше, с. 157). Характерно, что на соответствующей миниатюре дань изображена так: беличья шкурка и несколько девиц, которых представляет данник повелителю хозар. Отсюда можно заключить, что описка «дѣвечи» вм. «вѣверици» имелась уже в тексте оригинала Радзивилловского списка, так как миниатюрист Радзивилловского списка работал, имея перед глазами текст этого оригинала.

Датировка миниатюр позволяет уточнить датировку редакций произведения, которую они иллюстрируют. Профессор Е. Хилл опубликовала³ к IV Славистическому съезду в Москве данные об иллюстрированной рукописи XVII в. «Сказания о Мамаевом побоище» 3-й редакции (по С. К. Шамбинаго)⁴. Вместе с исследованием Е. Хилл опубликованы два прекрасных воспроизведения миниатюр этого списка. При рассмотрении этих миниатюр мы убеждаемся, что, превосходные по композиции, они выполнены довольно грубо. Это является одним из признаков того, что перед нами копии. Грубая работа копииста особенно заметна на втором воспроизведении, где изображены кони: ноги этих коней явно дурно скопированы с хорошего оригинала.

¹ Н. В. Воронин. Рец. на книгу А. В. Арциховского... С. 112.

² См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М., 1979. С. 38–44.

³ E. Hill. British Museum Illuminated Manuscript of an Early Russian Literary Work. An Encomium to the Grand Prince Dimitri Ivanovich and to his Brother Prince Vladimir Andreyevich. The Tale of the Battle of the Don in the Year 6889. Cambridge, 1958. — Одна из этих миниатюр (л. 29 об.) использована как фронтиспис к книге «Повести о Куликовской победе» (М., 1960) без указания, откуда она взята.

⁴ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

Судя по одеждам плывущих в лодке в первой миниатюре и стоящих вверху второй миниатюры, копии были сделаны с миниатюр XV в. (стоит сравнить эти миниатюры с миниатюрами Радзивилловского списка и с иконой XV в. «Молящиеся новгородцы», находящейся в Новгородском музее). Раз так, то это позволяет согласиться с мнением тех исследователей, которые, возражая С. К. Шамбинаго, считали, что так называемая третья редакция никак не могла быть создана в XVI в., и предлагали считать ее первой¹.

В роскошных рукописях не только миниатюры, но и инициалы делались особыми художниками. В связи с этим могли получиться специфические ошибки. Писец основного текста пропускал для художника инициалы. Художник мог по рассеянности не вписать инициал, и если текст при этом все же оказывался осмысленным, пропуск переходил при переписке в следующий список. Кроме того, художник мог обознаться в слове, особенно если он не читал всей фразы, а слово, в котором надо было сделать инициал, отличалось от другого только своей начальной буквой. И эта ошибка могла сохраниться при переписке. А. Дэн приводит следующие ошибки, возникшие этим путем в греческих и латинских рукописях: [χ]ρίζονται вм. [ὀ]ρίζονται; или [H]ic вм. [s]ic².

Позволю себе остановиться еще на одном вопросе — текстологическом значении подписей к сложным иконам с клеймами, изображающими жизнь святого или те или иные исторические события. Исследование этих текстов до сих пор почти не производилось, и занятия этими темами в настоящее время ведутся по инициативе Сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, широко представляющего страницы своих Трудов (Труды Отдела древнерусской литературы) для такого рода работ искусствоведов³. В иконах и фресках литературные произведения могут быть представлены в более древних редакциях, чем они известны по рукописям; они могут давать представление о том, какие редакции были использованы и как рано они возникли. В иконы и фрески могут проникать устные легенды, детали, неизвестные в письменности. Наконец, тексты подписей под клеймами сами по себе могут являться своеобразными редакциями произведения и иметь собственную письменную традицию, переходящую из одной иконы в другую и пр.

Укажу, например, что текст «Повести о Мономаховом венце», вырезанный на створках царского места XVI в. в Успенском соборе Московского

¹ Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X. М.; Л., 1954. См. также: Л. А. Дмитриев. 1) Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXII. М.; Л., 1966; 1) Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974.

² А. Dain. Les manuscrits. Paris, 1949. P. 35.

³ См., например, том ТОДРЛ, специально посвященный этой теме: «Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси» (т. XXII. М.; Л., 1966).

крема, представляет собой особое произведение, переписывавшееся отдельно¹.

Иллюстрации могут представить интерес и с точки зрения того, как интерпретировался в определенную эпоху и в определенной среде тот или иной сюжет. Миниатюрист может подчеркнуть тот или иной момент сюжета, может даже в известной мере изменить идеи памятника, внести в него новые темы и т. п. Изучение работы миниатюриста в этом аспекте имеет особое значение. К сожалению, с этой стороны миниатюры Древней Руси почти не изучались. Наконец, текстологу следует иметь в виду, что древние иллюстрации имели свою особую систему «рассказывания». Об этой системе «рассказа» миниатюристом см. подробнее в третьем издании моей «Поэтики древнерусской литературы» (М., 1979) в разделе «“Повествовательное пространство” как выражение “повествовательного времени” в древнерусском изобразительном искусстве» (с. 36–54).

---

¹ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 118.